

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ПРОНИКНОВЕНИЕ В МЫСЛЬ

У НАС МНОГО хороших актеров. Видеть их на сцене — большое удовольствие. Писать о них не менее приятно. Но пишем мы обидно мало. Как правило, к случаю...

Правда, Владимир Иванович Честноков критикой не обойден, не обижен — на каждую его работу живо откликается ленинградская пресса. Сам он человек активный, общественный, был делегатом XXII съезда партии, его голос слышен не только со сцены, своими мыслями и впечатлениями, всегда прочувствованными и интересными, он делится со страниц газет и журналов, в своей книге «Как я работал над образом Ленина».

И все же нельзя отделаться от мысли, что для актера, для такого актера, этого мало. Об его работах, особенно там, где это касается образа В. И. Ленина, надо говорить больше. Ведь в плеяде лучших создателей сценического образа Ленина давно уже и по справедливости значится имя Честнокова, и занимает он свое особое, ни с кем не разделяемое место.

Скажем точнее: в беспредельном ленинском образе у Честнокова своя тема, своя мелодия. Сам он говорит об этом так: «Я хочу сыграть Ленина как воинствующего оптимиста, полного непримиримой и неугасимой вражды к несчастью людей». И он играет Ленина именно так, добиваясь совершенства от роли к роли. Впрочем, о Честнокове нельзя говорить: играет... Здесь следовало бы сказать не играет, а живет. Увы, фраза такого рода слишком захватана, чтобы остаться содержательной. Но что делать, если Честноков действительно может не казаться, а быть тем, кого изображает.

Вспоминая образы, созданные им за десятилетия в Ленинграде, сначала в Театре им. Ленинского комсомола, а затем на сцене Пушкинского театра, я вижу не Честнокова в ролях Незнамова, Сирано, Готье, Пушкина, Фиеско, а Фиеско, Пушкина, Готье, Сирано, Незнамова — такими, какими они могли быть в изображенных обстоятельствах. Непростота капитана Сафонова («Русские люди»), генерала Огнева («Фронт»), капитан-лейтенанта Горбунова («Офицер флота»), сыгранных

Честноковым в годы войны, признала за своих военная аудитория.

Солдаты обращались к актеру, как к полюбившемуся герою, считая, что на бой за Родину их вдохновляет со сцены подлинный капитан Сафонов. За Сафоновым стояли двое — Константин Симонов и Владимир Честноков, но авторское мастерство воплощения и актерское искусство перевоплощения помогало зрителям увидеть в героическом капитане миллионы советских патриотов.

Я не знаю, каким путем идет Честноков к образу, но мне кажется, что реальность его героев возникает из того, что правду образа он выражает как личную правду. За Честноковым установилась репутация мыслящего актера. Это верно: он не только в высшей степени интеллигентный человек, он интеллектуал и в своей пылкости способен подчас оказаться, вернее, показаться рационалистичным. Но если правда образа может быть добыта путем анализа, головной работой, то личная правда — всегда дитя сердца, она выстрадана нутром и потому прежде всего эмоциональна. Оставаться только в кругу личной правды опасно — слишком узок круг, возобладают эмоции. Уйти целиком в правду образа не менее опасно — возьмет верх рациональное, начнешь играть образ Счастливого актера, чье творчество — плод любви ума и сердца.

Когда в спектакле «Междуливиями» слышишь заразительный смех Ильича, видишь его широкую улыбку, лукавые огоньки в глазах; когда следишь за полетом всепроникающей мысли Ленина, только что родившейся, но уже облетающей мир; когда лучающаяся ленинская доброта вдруг сменяется гневом, сарказмом, испепеляющим все подлое и пошлое; когда все это возникает в волшебном зеркале сцены, в живом воплощении Честнокова,

убеждаешься, что он и есть тот счастливый актер, чье творчество — дитя любви ума и сердца.

Сценической Лениниане скоро тридцать лет. Это и много и очень мало. Разные этапы прошла она, начав с вершины, с гениального взлета Щукина, который определил, но не облегчил путь последователям. Играть роль В. И. Ленина нужно всегда сначала, как первооткрывателю; здесь не начнешь с того, чем кончил предшественник, нужно прежде пройти все то, что прошел он сам. Лениниана — всегда новаторство, поэтому она доступна лишь большой индивидуальности. Увы, за это берутся и дюжины актеры; до сих пор существует опасность измельчения образа, о чем предупреждала «Правда» еще в сороковом году.

Мелкое начинается с фотографии, с подражания внешнему, точнее сказать, с имитации облика, позы, речи. Значит ли это, что внешнее не играет роли?

Честноков придает большое значение портретности в роли Ленина. Снимаясь в фильме Сергея Васильева «В дни Октября», Честноков появился на репетиции сцены заседания Петроградского Совета неожиданно, и актеры — участники сцены, ранее не видевшие Честнокова в облике Ленина, подылились и зааплодировали, пораженные иллюзией всамделишности Ильича. Вот насколько уловлен актером ритм жизни, особенность манеры, жеста изображаемой личности!

Способность воссоздавать личность, а не играть характер давно проявлена Честноковым. Именно это придавало целостность и поэтичность его героическим ролям, по которым он двигался, как по спирали, к образу Ленина. Актер героического плана, он предпочитает действие, в том числе и действие словом, словесное действие; он умеет пре-

дельно сгущать человеческую энергию, в частности, и энергию мысли; ему доступна возвышенность, в самой утонченной ее форме — возвышенность простоты. В роли Ленина, создаваемой Честноковым, благотворно сказываются особенности актера героического амплуа; ему противопоказана та недорогая простота, которая вносит сентиментальность в великий образ.

В исполнении Честнокова Ленин героичен. Прост, доступен, когда нужно, бытово опосредован, ничто человеческое ему не чуждо. Но это героическая личность — по силе напряжения чувств, по взлету мысли, по титаническому труду и смелости решений, наконец, по энергии духа. В какие бы обстоятельства роли ни был поставлен Честноков — выступает ли Ленин на заседании Петровета, разворачивая план борьбы, или там же дает отповедь оппортунистам (фильм «В дни Октября»), беседует ли с крестьянами-ходоками, отсекая кулака от бедняков, или играет с ребенком («Грозовой год»); решает ли исторические задачи перехода страны к изгу или пресекает кронштадтский мятеж — во всем актер воссоздает героическое напряжение будничного дня.

По крайней мере две из трех лучших работ Честнокова состоят из монологов, да еще каких монологов — по пятнадцать—двадцать минут! Актеры знают, как это трудно. Но дело не в актерских трудностях, а в том, что замкнутый в четырех стенах образ Ленина из пьесы «Междуливиями» может привести к мотиву изолированности, что никак не согласуется ни с личностью Ленина, ни с исторической правдой, ни с философской идеей.

Честноков опровергает это непрерывным действием, в котором реализуется постоянный контакт с внешним миром, и той экспрессией мысли, тем ленин-

ским озарением, которое возникает из этого контакта.

В психологически усложненной ночной сцене, где ленинская мысль, казалось бы, дробится и для артиста, и для зрителя, Честноков ритмически строгим рисунком монолога охраняет его внутреннюю логику.

Честноков начал готовиться к ленинскому портрету еще в 1937 году. Он репетировал в «Человеке с ружьем», но вышел на сцену в ленинском облике значительно позже, далеко после войны. Однако работал над ролью Ленина все эти годы, почти сорок лет. И вот результат. Полная независимость от «портрета» и необычайная слиянность с ним, возникшая в процессе глубокого проникновения в ленинскую мысль, в ленинскую натуру, в существо ленинских дел, в их историческом и конкретно повседневном развороте. Полная свобода в образе, но без рисовки «свободой», отсюда значительная простота, органика земного и возвышенного, драматизм, исполненный оптимистического умонастроения психологизация без интеллигентской рефлексии, столь чуждой Ленину. И удивительная по насыщенности, увлекающая жизнерадостность, столь свойственная Ленину.

Горький говорил о Ленине: «Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления влиялись в одно русло». Очень уж это трудно, если великий изобразитель Горький затруднен был такой задачей! И я не хочу сказать, что именно Честнокову удалось ее решить на сцене. Вероятно, можно обнаружить и что-то несовершенное в игре артиста, я не делаю этого не потому, что моя статья по «жанру» хвалебная и даже не потому, что достигнуть «абсолютного» в ленинском образе никому не дано. Просто я хочу сказать, что Честноков очень хорошо живет в образе, пишет ленинский портрет по-своему и ставит перед собой труднейшую задачу изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все впечатления Ленина влиялись в революционное русло.